

Научная статья

УДК 347.51

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-4-596-605

Квинтэссенция принципа добросовестности участников гражданских правоотношений в российском праве

Александр Анатольевич Коверчаковский

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия, koverchakovski@bk.ru

Аннотация. Цель настоящей статьи заключается в необходимости дать определение добросовестности участника гражданского оборота, выявить правовую природу принципа добросовестности. Объединяя исследованную этимологическую и законодательную основу добросовестности, автор формулирует определение понятия добросовестности участника гражданского оборота. При этом использованы такие методы исследования, как анализ, синтез, дедуктивный, сравнительный, абстрагирование. Результаты исследования имеют практическое значение.

Ключевые слова: добросовестность, принцип добросовестности, сотрудничество, общее благо, компромисс, взаимность, цель правоотношений, воля законодателя, правовая природа

Для цитирования: Коверчаковский А. А. Квинтэссенция принципа добросовестности участников гражданских правоотношений в российском праве // Социология и право. 2023. Т. 15. № 4. 596–605. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-596-605>

Original article

Quintessence of the principle of good faith of participants of civil legal relations in Russian law

Alexander A. Koverchakovsky

St. Petersburg University of Management and Economics Technologies, St. Petersburg, Russia, koverchakovski@bk.ru

Abstract. The aim of this article is to define the good faith of a participant of civil turnover, to reveal the legal nature of the principle of good faith. Combining the studied etymological and legislative basis of good faith, the author formulates a definition of the concept of good faith of a participant of civil turnover. Such methods of research as analysis, synthesis, deductive, comparative, abstraction are used. The results of the study have practical significance.

Keywords: good faith, principle of good faith, cooperation, common good, compromise, reciprocity, purpose of legal relations, will of the legislator, legal nature

For citation: Koverchakovsky A.A. Quintessence of the principle of good faith of participants of civil legal relations in Russian law. *Sociology and Law*. 2023;15(4):596-605. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-596-605>

Введение

С момента зарождения в отечественном законодательстве первых предпосылок принципа добросовестности участников правоотношений до настоящего времени в юридических научных кругах не утихают споры и обсуждения относительно вопросов о правовой природе данного принципа, которую необходимо изучить и понять для правильного его применения. Следует установить волю законодателя, который внедрил данный принцип в гражданское право в качестве основополагающего звена в целом системы гражданского права.

Принцип доброй совести в Российской империи упоминается в рамках обязательственных отношений в 1899 г. в книге 5 проекта Гражданского уложения Российской империи. В частности, в ст. 65 указано, что договоры должны быть исполняемы по точному их смыслу, доброй совести и намерению сторон. Статья 71 устанавливает, что неисполнение обязательства одной стороной лишь в незначительной части не дает другой стороне права отказаться от исполнения лежащего на ней обязательства, насколько такой отказ, по обстоятельствам дела, не согласуется с доброй совестью [1, с. 230–231]. Разработчики Уложения ориентировались на немецкое право [1, с. 231]. В связи с историческими событиями Гражданское уложение Российской империи не принято [1, с. 234].

Впоследствии прямое указание на принцип добросовестности в Российской Федерации (РФ) прослеживается в разработанной в 2009 г. Концепции развития гражданского законодательства РФ. В п. 6 этой Концепции предложен широкий спектр мер, направленных на укрепление нравственных начал гражданско-правового регулирования, в том числе введение в гражданское законодательство принципа добросовестности в качестве одного из наиболее общих и важных принципов гражданского права с целью обеспечения добросовестного и надлежащего осуществления гражданских прав и исполнения гражданских обязанностей [2].

В качестве общего принципа российского гражданского права принцип добросовестности нормативно закреплён в п. 3 ст. 1 Гражданского кодекса (ГК) РФ Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [3]. Данной нормой права предусмотрено следующее: при установлении, осуществлении, защите гражданских прав и исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно [4].

Теория

Чтобы дать определение принципа добросовестности в гражданском праве, необходимо систематизировать предусмотренные в ГК РФ критерии добросовестности, установленные общими и специальными нормами права. Чтобы определить критерии добросовестности, следует проанализировать специальные и общие нормы ГК РФ, в который включен принцип добросовестности.

Итак, в настоящее время в ГК РФ принцип добросовестности участника правоотношений закреплён в следующих нормах права:

1. Пункт 3 ст. 1 — добросовестность возникает при установлении, осуществлении и защите гражданских прав, то есть предполагается критерий действия.

2. Пункт 6 ст. 8.1 — добросовестность соотносится с разумностью, так как при приобретении недвижимости полагаться на иной источник, кроме государственного реестра, было бы нецелесообразным.

3. Пункт 1 ст. 10 — недобросовестное осуществление гражданских прав должно быть намеренное. Из этого следует, что ненамеренные (случайные) действия

участника гражданского оборота допустимы в определенных случаях гражданским законодательством. Ненамеренные действия участника правоотношений можно отнести к недобросовестным, но из-за отсутствия умысла такое поведение нивелируется.

4. Пункт 5 ст. 10 — поскольку добросовестность участников правоотношений предполагается, принцип добросовестности должен соответствовать нормальному, общепризнанному, законному правилу поведения. Иными словами, добросовестность участников должна быть в рамках закона и в рамках ожидаемого (предполагаемого) поведения.

5. Пункт 1 ст. 53.1 — критерий добросовестности определен в таком же виде, как и в п. 5 ст. 10: ожидаемое поведение (действия участника соответствуют обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску).

6. Пункт 2 ст. 53.1 — предполагает следующий критерий добросовестности: отказ участника гражданского оборота от предложенного иным лицом противоправного действия. Данный критерий в специальной норме права выступает в качестве оговорки общей нормы права (п. 3 ст. 1), то есть некоторым исключением.

7. Пункт 3 ст. 157 — ухудшение положения участника гражданского оборота, произошедшее вследствие поведения другого участника, действия которого направлены на получение выгоды в свою пользу за счет первого. Данное поведение участника правоотношения служит критерием недобросовестности. Из этого следует противоположный критерий добросовестности: участник правоотношений должен учитывать всегда интересы другого участника этих правоотношений, даже если бы эти интересы не были выгодны ему.

8. Пункт 5 ст. 166 — сокрытие участником гражданских правоотношений перед другим участником обстоятельств, имеющих значение для целей правоотношений, как критерий недобросовестности. Противоположным критерием, то есть критерием добросовестности, выступает честное и открытое доведение участником гражданского оборота необходимой информации для другого участника, который априори полагается на действительное намерение первого достигнуть определенные данными участниками цели и задачи правоотношений.

9. Пункт 1 ст. 302 — отсутствие у участника гражданских правоотношений необходимой достоверной информации о законной возможности реализации достигнутых задач и целей данных правоотношений, которая не могла быть им получена в нормальных (обычных) условиях гражданского оборота, соответствует добросовестному поведению, о чем четко говорится в данной норме права. С учетом доступной информации ввиду фактической невозможности получения иной достоверной информации для реализации доступного права предполагается, что участник правоотношения действует добросовестно.

10. Статья 303 — осуществление противоправных действий (лицо обладает при этом необходимой достоверной информацией для понимания характера данных действий или не обладает этой информацией по своей вине) как критерий недобросовестности. Из этого следует, что, кроме действий, соответствующих закону, добросовестными могут быть признаны действия, хотя и не соответствующие закону, но осуществленные в отсутствие вины субъекта права в неполучении достоверной необходимой информации или при обладании доступной и субъективно достоверной информацией.

11. Пункт 3 ст. 307 — при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения участники правоотношений должны учитывать права и законные интересы друг друга, участники правоотношений должны содействовать друг

другу для достижения цели обязательства, а также предоставлять друг другу необходимую информацию. Данный критерий добросовестности коррелируется с п. 5 ст. 166 в аспекте предоставления информации.

12. Пункт 2 ст. 335 — полностью коррелируется с п. 1 ст. 302.

13. Пункт 2 ст. 434.1 — отсутствие намерения в достижении целей и задач правоотношения как критерий недобросовестности. Критерий добросовестности: при вступлении в правоотношения и их реализации у участника должны быть намерения достижения целей и задач правоотношений. Данная норма коррелирует также с п. 3 ст. 307, п. 5 ст. 166 в аспекте предоставления информации и с п. 5 ст. 10 в аспекте ожидаемого поведения, а также с п. 6 ст. 8.1 в аспекте соотношения разумности с добросовестностью [4].

Некоторые критерии принципа добросовестности можно обнаружить в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». В этом Постановлении судом разъяснено, что, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей в том числе в получении необходимой информации. Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения [5].

Из приведенных норм права и разъяснений Верховного Суда РФ можно выделить следующие критерии добросовестности участника правоотношений:

1. Действие субъекта права или его бездействие, выраженное в отказе от противоправных действий, или, если оно является следствием отсутствия у субъекта необходимой информации для осуществления действий в связи с независимыми от него причинами.

2. Разумное поведение субъекта права.

3. Действия участника правоотношения, ожидаемые другим участником.

4. Действия участника правоотношения в рамках закона. В случае отсутствия у участника правоотношения по независимым от него причинам необходимой информации, которая ему требуется для осуществления своих действий в рамках закона, вытекающие из этого действия или бездействия участника признают добросовестными.

5. Действия участника правоотношения в рамках традиционных общепризнанных стандартов поведения.

6. Соблюдение интересов и прав участника правоотношений другим участником, даже если эти интересы не были бы выгодны ему.

7. Взаимное раскрытие и предоставление участниками гражданского оборота информации для реализации целей и задач возникших правоотношений.

8. Применение возможных законных и доступных способов для получения информации, необходимой для выполнения задач и достижения целей правоотношений.

9. Взаимное содействие участников гражданского оборота для достижения цели обязательства.

10. Намерение и содействие в достижении целей и выполнении задач правоотношений.

В связи с индивидуально-правовой природой возникающих судебных споров указанные критерии при определении добросовестности участника гражданского

оборота могут быть учтены как в совокупности, так и выборочно. Взаимосвязь данных критериев можно проследить дедуктивным способом.

Из общей нормы ГК РФ, связанной с принципом добросовестности, следует, что добросовестность возникает в действиях и рассмотренных выше случаях бездействия участников правоотношений. Поэтому из буквального толкования ГК РФ следует, что именно характер действий или бездействия субъекта права будет определять его поведение как добросовестное или недобросовестное. Характер действий/бездействия отражен в вышеуказанных специальных нормах ГК РФ. Главным, основополагающим критерием добросовестного поведения выступает разумность. Именно разумность является для участников правоотношений ориентиром в поведении, которое должно быть ожидаемо для них. Ожидаемое поведение, в свою очередь, предполагает обыденное действие\бездействие участника правоотношения, направленное на достижение цели правоотношения. При этом двусторонняя ожидаемость предполагает взаимное уважение, соблюдение прав и интересов. Цель правоотношения может быть достигнута его участниками, только если они будут действовать сообща и открыто. Таким образом, принцип добросовестности в ГК РФ можно отразить ключевыми словами в системно-сжатом виде: действие / исключительное бездействие → разумность → ожидаемость → обыденность → взаимность → цель правоотношения.

Для выявления правовой природы принципа добросовестности в гражданском праве следует понимать этимологическое значение данного слова. Этимология слова «добросовестность» содержит два понятия: «добро» и «совесть». По мнению С. А. Бурмистрова, «совесть» означает «совместность» и «ведение», что следует понимать как предположение о наличии множества субъектов, которые с высокой долей вероятности осведомлены о наличии прочих. Разумные начала устойчивого созидательного функционирования сообщества субъектов побуждают их к конструктивному взаимодействию, то есть реализации собственных интересов при соблюдении чужих, что и обозначено словом «добро» [6, с. 137]. Данный этимологический анализ свидетельствует о необходимости признания основополагающим критерием добросовестности в гражданском праве, выраженном в обязательстве участников гражданского оборота учитывать права и интересы друг друга.

Как следует из Толкового словаря живого великорусского языка В. И. Даля, добросовестность — это «добрая совесть, праводушие, честность, правдивость, строгая богобоязненность в поступках» [7, с. 1103–1104]. Слово «добросовестный» означает «правдивый, праводушный, честный» (например, старшина, избираемый крестьянами для разбора споров) [7, с. 1105–1106]. Под понятием совести следует понимать «нравственное сознание; нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее от лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда в различной степени развития» [8, с. 351–352].

На основе исторического аспекта становления принципа добросовестности в гражданском праве, законодательного и этимологического его толкования в структуре принципа добросовестности прослеживаются такие ее основополагающие элементы, как сотрудничество, общее благо, взаимность, конструктивный диалог и компромисс. Сотрудничеству, по мнению автора, следует уделить особое место в структуре принципа добросовестности, поскольку данный элемент выступает ключевым звеном сохранения и поддержания возникшего правоотношения.

Важная роль сотрудничества в принципе добросовестности объективно выделена другими исследователями. Например, А. Я. Ахмедов пишет, что решение

законодателя о разработке принципа содействия кредитора при исполнении должником обязательств стало очередным проявлением действия в гражданском праве принципа добросовестности. Представляется, что взаимопомощь, сотрудничество и содействие сторонами соглашения друг другу в большей степени способствуют удовлетворению потребностей каждого из субъектов правоотношений [9, с. 35]. Д. С. Алякин соотносит требование сотрудничества сторон правоотношений с честным ведением дел и экономичным исполнением, соблюдение которых способствует пониманию и достижению целей, задач принципа добросовестности применительно к исполнению обязательств сторон правоотношений [10, с. 107].

Результаты и обсуждение

Исходя из вышеприведенного системного толкования принципа добросовестности на основе критериев добросовестности в гражданском праве РФ, можно предложить следующее определение добросовестности в гражданском праве. Добросовестность — это разумное поведение участника гражданского оборота, которое соответствует традиционным и общепризнанным правилам поведения в обществе, ориентированным преимущественно на взаимное соблюдение прав, интересов участниками гражданского оборота и направленным на достижение цели правоотношения.

Суть приведенного определения понятна. Однако завуалированное понятие общепризнанного поведения привело к проблеме неоднозначного использования принципа добросовестности в правоприменительной практике. В привязке принципа добросовестности к общепризнанным правилам поведения (обычаям гражданского оборота) видится угроза социально-контролируемой или воспитательной функции права. Разграничение понятий добросовестности и обычаев гражданского оборота необходимо для установления в социальной среде правильного, или «здорового» поведения, для демонтажа неправильного, то есть «больного» поведения. Понимание принципа добросовестности не должно изменяться, иначе это приведет к релятивизму и использованию его только как инструмента получения выгоды тем, кто его использует.

Принцип добросовестности — это не инструмент права, а фундамент права, который можно только укреплять, но не разбирать или переделывать. Ценности, которые преследует принцип добросовестности, должны быть нерушимыми. Такие ценности в полной мере соотносятся с повышением и укреплением уровня нравственности участников гражданского оборота.

Казалось бы, мы понимаем, что в общественном транспорте нужно уступать место пожилым людям. Но в настоящее время в нашей социальной среде прослеживается иная тенденция. Например, если молодой здоровый человек не уступил место в общественном транспорте пожилому пассажиру, не происходит осуждения среди окружающих людей. Внешне данное поведение становится нормой, общепризнанным правилом, то есть общество его как бы признает. Именно поэтому нельзя добросовестность соотносить с обычаем. Принцип добросовестности в гражданском праве должен не только обладать регулятивной функцией, но и социально контролируемой. Он должен побуждать граждан к добрым поступкам, напоминать о важности добра в мире. Зависимость принципа добросовестности от каких-либо факторов приведет к разрушению ценностей человека, в целях защиты которых и внедряли в закон данный принцип.

Принцип добросовестности должен пропагандировать добро, а не использоваться только в интересах тех или иных лиц. Например, в Веймарской Республике

принцип добросовестности, как генеральная оговорка в Германском гражданском уложении, привязан к определенному объективному стандарту, основанному на идеологии национал-социалистов, и видится в качестве эффективной меры для проникновения данной идеологии в правовую жизнь [1, с. 67].

Похожее применение принципа добросовестности можно наблюдать в российской истории после революционного государственного переворота в 1917 г. В СССР законодательно не был закреплен принцип добросовестности, но он вытекал из целей правового регулирования в СССР [1, с. 362]. Увековечить защиту ценностей общества можно с помощью принципа добросовестности в случае, если у общества появится осознание и понимание истинного значения принципа. Значение принципа добросовестности в законодательстве, как представляется, прежде всего заключается в пропаганде добра.

Определение и сущность добра, в свою очередь, должны быть однозначными и не подменяться чем-то иным. Добро следует понимать как общепризнанное действие во благо другому. Под благом подразумевают материальный или духовный положительный для субъекта блага предмет. В языковом сознании русских писателей, философов и общественных деятелей слово «добро» определено как позитивное нравственное чувство, которое приносит пользу человеку [11, с. 89]. Как следует из Толкового словаря русского языка С. И. Ожегова, синонимом слова «добро» служит слово «благо» [12, с. 433]. Под понятием «зло», в свою очередь, следует понимать действие, направленное на разрушение или уничтожение благ человека, то есть действие исключительно во вред человеку. Четкое разграничение таких понятий, как «добро» и «зло», выступает одним из главных принципов устойчивости общества и человеческого существования в целом [13, с. 71]. Зло — это антипод добра. Понимание такого разграничения становится необходимым для понимания принципа добросовестности.

Поскольку мы живем в обществе, а общество может развиваться только на равноправии и взаимности, Верховный Суд РФ в постановлении от 23 июня 2015 г. № 25 обратил внимание, пожалуй, на главный критерий принципа добросовестности, предполагающий учет каждым участником гражданского оборота интересов и прав друг друга. По мнению автора, этот принцип должен быть закреплен в ГК РФ в качестве основополагающего. Однако участники правоотношений должны учитывать, что их интересы и права не должны причинять вред кому-либо или чему-либо.

Данный критерий принципа добросовестности, по мнению автора, должен стать отправной точкой для оценки поведения участника гражданского оборота.

С учетом изложенного выше этимологического анализа можно заключить, что если добро — это благо для человека, а совесть по отношению к добру — это внутреннее нравственное восприятие такого блага, побуждающее к его сохранению, то во взаимосвязи исследуемых двух понятий образуется элемент неприкосновенности блага человека, то есть благо становится высшей ценностью человека.

На основании этимологического признака добросовестности можно выделить следующее понятие принципа добросовестности в гражданском праве: действие участников правоотношений, направленное на достижение и сохранение общего блага как в равной степени высшей ценности правоотношений. Во взаимоотношениях сторон гражданского оборота благом является только цель взаимоотношений, то есть общее благо. Право по своей природе — это охраняемая государством возможность получения блага, которое по известным причинам может быть ограничено. Поскольку предоставленное соглашением сторон право на что-либо служит гарантией получения общего блага, то стороны должны всесторонне способствовать реализации этого права, то есть действовать в направлении цели

правоотношений. Интересы сторон также не следует относить к благу, поскольку они по своей сути представляются как волеизъявление в получении чего-либо, и не всегда блага.

Поскольку параметры общего блага не всегда можно определить сторонами при заключении соглашения, обращая внимание на интересы сторон, то при установлении общего блага необходимо учитывать в первую очередь самые приближенные интересы участников к общему благу, то есть соблюдать баланс интересов сторон.

Вследствие выявленных в настоящем исследовании структурных элементов принципа добросовестности, таких как сотрудничество, общее благо, взаимность, конструктивный диалог и компромисс, появляется возможность сформулировать более широкое определение добросовестности в гражданском праве. Добросовестность — это поведение участника гражданского оборота, направленное на достижение и/или сохранение общего блага сторон правоотношений, выраженное во взаимном конструктивном компромиссном сотрудничестве. Под сотрудничеством следует понимать намерения и действия сторон, направленных на развитие, поддержание и сохранение возникших между ними правоотношений.

Сотрудничество предполагает, что стороны взаимоотношений будут активно и совместно реализовывать общую цель (благо). Чтобы цель была достигнута, в процессе деятельности необходимо разрешать различные и порой сложные экстраординарные задачи, методы решения которых у сторон могут противоречить друг другу и конфликтовать. Благополучное решение этих задач будет возможным только компромиссными методами, то есть сотрудничество должно быть компромиссным. В свою очередь, к компромиссу стороны должны подходить конструктивно. Конструктивный подход сторон должен быть рассмотрен объективно под каждым его углом, с выявлением здравого смысла и определением равномерного баланса сторон.

Конструктивное компромиссное сотрудничество — основополагающий элемент добросовестности, который служит отправной точкой при оценке поведения сторон правоотношений. Данный элемент предполагает обязательное активное участие сторон правоотношений в разрешении возникших в ходе правоотношений споров и проблем. В случае уклонения субъекта правоотношений от этих общепринятых в хозяйственной и иной деятельности обязательств такой факт следует расценивать как недобросовестное поведение, которое влечет для его субъекта неблагоприятные последствия и вместе с тем засчитывается в пользу другой стороны спора.

Выводы

Системно рассматривая принцип добросовестности в гражданском праве РФ, автор приходит к выводу о том, что, внедряя принцип добросовестности в гражданское право, законодатель пытается закрепить общее ключевое требование конструктивного компромиссного сотрудничества между участниками любых правоотношений во благо достижения их общих потребностей, соответствующих целям правоотношений.

Результаты настоящего исследования имеют практическое значение для применения принципа добросовестности в российском праве, поскольку основные его элементы нами объективно раскрыты, а проблема единообразного подхода в применении данного принципа по-прежнему не решена. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы законодателем в дальнейшем для разработки и внедрения принципа добросовестности в гражданское право.

Список источников

1. Нам К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. 2-е изд., перераб. и доп. М.: М-Логос, 2023. 388 с.
2. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г. // Справ.-правовая система «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95075/?ysclid=lq3g77esdi25446670 (дата обращения: 20.06.2023).
3. О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ // Справ.-правовая система «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140188/?ysclid=lq3gj2np8u19926894 (дата обращения: 20.06.2023).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 14 апреля 2023 г.) // Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 20.06.2023).
5. О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Справ.-правовая система «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/?ysclid=lq3hfv8z1l163119527 (дата обращения: 20.06.2023).
6. Бурмистрова С. А. О применении категории добросовестности при разрешении коллизий интересов // Российский юридический журнал. 2019. № 2. С. 135–143.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. СПб., М.: т-во М. О. Вольф, 1912. 723 с.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. СПб., М.: т-во М. О. Вольф, 1935. 712 с.
9. Ахмедов А. Я. Сотрудничество как гражданско-правовая категория // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 3. С. 35–41.
10. Алякин Д. С. Добросовестное исполнение договорных обязательств по российскому праву // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13. № 1. С. 107–124. DOI: 10.21638/spbu14.2022.106
11. Ли Ю. Добро и зло как ценность и антиценность (на основе данных Словаря русской ментальности 2014 г.) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Т. 9. № 2. С. 85–94. DOI: 10.22250/24107190_2023_9_2_85
12. Закирова О. В., Погорелова К. Е. Особенности семантики русских фразеологизмов с компонентами «добро» и «зло» // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. Т. 2. № 7. С. 433–438.
13. Долгополова М. В. Абстрактные имена добро и зло в древнерусском языке // Литературоведение, лингвистика и коммуникативистика. Направления и тенденции современных исследований: материалы Всерос. (с междунар. участием) заоч. науч. конф., Уфа, 26 декабря 2016 г. / отв. ред. А. В. Курочкина. Уфа: Башкирский государственный университет, 2017. С. 71–72.

References

1. Nam K.V. The principle of good faith: Development, system, problems of theory and practice. 2nd ed. Moscow: M-Logos; 2023. 388 p. (In Russ.).
2. Concept for the development of civil legislation of the Russian Federation: approved by the decision of the Council under the President of the Russian Federation for the codification and improvement of civil legislation of October 7, 2009. Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95075/?ysclid=lq3g77esdi25446670 (accessed on 20.06.2023). (In Russ.).
3. On amendments to chapters 1, 2, 3 and 4 of part one of the Civil Code of the Russian Federation. Federal law of December 30, 2012 No. 302-FZ. Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140188/?ysclid=lq3gj2np8u19926894 (accessed on 20.06.2023). (In Russ.).

4. Civil Code of the Russian Federation (Part One). Federal Law of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on April 14, 2023). Garant.ru. URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (accessed on 20.06.2023). (In Russ.).
5. On the application by courts of certain provisions of Section 1 of Part 1 of the Civil Code of the Russian Federation. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 23, 2015 No. 25. Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/?ysclid=lq3hfv8z1l163119527 (accessed on 20.06.2023). (In Russ.).
6. Burmistrova S.A. On the application of good faith in the resolution of conflict of interest. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Juridical Journal*. 2019;(2):135-143. (In Russ.).
7. Dal' V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 vols. Vol. 1. St. Petersburg, Moscow: M.O. Wolf Partnership; 1912. 723 p. (In Russ.).
8. Dal' V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 vols. Vol. 4. St. Petersburg, Moscow: M.O. Wolf Partnership; 1935. 712 p. (In Russ.).
9. Ahmedov A.Ya. Cooperation as a civil law category. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 2016;(3):35-41. (In Russ.).
10. Alyakin D.S. Good faith performance of contractual obligations under Russian law. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint-Petersburg University. Law*. 2022;13(1):107-124. (In Russ.). DOI: 10.21638/spbu14.2022.106
11. Li Y. Good and evil as value and anti-value (based on The dictionary of the Russian mentality, 2014). *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika = Theoretical and Applied Linguistics*. 2023;9(2):85-94. (In Russ.). DOI: 10.22250/24107190_2023_9_2_85
12. Zakirova O.V., Pogorelova K.E. Features of the semantics of Russian phraseological units with the components "good" and "evil". *Teoriya prava i mezhdgosudarstvennykh otnoshenii = Theory of Law and Interstate Relations*. 2021;2(7):433-438. (In Russ.).
13. Dolgoplova M.V. Abstract names good and evil in the Old Russian language. In: Literary studies, linguistics and communication studies. Directions and trends of modern research. Proc. All-Russ. (with int. particip.) correspond. sci. conf. (Ufa, December 26, 2016). Ufa: Bashkir State University; 2017:71-72. (In Russ.).

Информация об авторе

А. А. Коверчаковский — аспирант; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the author

A. A. Koverchakovsky — postgraduate student; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 14.12.2023; принята к публикации 20.12.2023.

The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 14.12.2023; accepted for publication 20.12.2023.